

НАТАЛЬЯ ЛЕОНИДОВНА ШИЛОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
natalia.l.shilova@gmail.com

ЮРИЙ КАЗАКОВ И КАРЕЛИЯ

(по материалам писем к Ортьё Степанову 1961–1968 годов)

Статья продолжает исследование биографических и творческих связей прозаика Юрия Казакова (1927–1982) с Карелией. Рассматриваются не публиковавшиеся ранее письма и открытки Казакова, отправленные карельскому писателю Ортьё Степанову в период с 1961 по 1968 год. Материалы хранящегося в Петрозаводске архива свидетельствуют о внимании Казакова к Карелии на протяжении нескольких лет, о личных и творческих связях со Степановым, который стал для московского писателя проводником в финно-угорский мир. Переписка позволяет, кроме того, проследить связи между двумя текстами, написанными Казаковым на карельском материале и вышедшими почти одновременно в 1962 году – рассказом «Адам и Ева» и очерком «Калевала». Они отразили впечатления от двух малоизученных поездок писателя в Карелию: на остров Кижы в 1959 году и в Ухту (сейчас Калевала) – в 1961-м.

Ключевые слова: Юрий Казаков, Ортьё Степанов, архив, письма, Калевала, Карелия

Русский Север – один из любимых маршрутов Юрия Казакова, который вообще много ездил в течение жизни. Не случайно составители наиболее полного трехтомного собрания сочинений писателя озаглавили первый том «Странник», по названию одного из самых ранних рассказов. Некоторые поездки, например к Белому морю, учтены в двух наиболее важных, на наш взгляд, работах – биографическом исследовании И. Кузьмичева «Жизнь Юрия Казакова: документальное повествование» (1986, второе, дополненное, издание – 2012) [5] и монографии Е. Ш. Галимовой «Художественный мир Юрия Казакова» (1992) [2]. Однако новые материалы по теме появляются и в настоящее время [1] и будут появляться впредь. Это связано как с неослабевающим интересом к наследию писателя и – шире – литературе советской оттепели, так и с естественным пополнением фактографической базы, в том числе с введением в научный оборот архивных документов, дополняющих сведения о жизни и творчестве Казакова.

Предмет нашего интереса – карельские маршруты Юрия Казакова. Он бывал в Карелии неоднократно. Помимо нескольких длительных поездок к Белому морю, часто захватывавших и север Карелии, с уверенностью можно назвать как минимум две особые карельские поездки писателя. О первой из них, совершенной в сентябре 1959 года, говорится в сохранившихся в архивах и опубликованных Виктором Конечким и Игорем Кузьмичевым письмах Казакова к Паустовскому и Конечному¹ [4: 26], [5: 278, 352]. Тогда Казаков побывал в Петрозаводске и на острове Кижы. По впечатлениям от поездки был написан рассказ «Адам и Ева», увидевший свет только в 1962 году [8].

В 1961 году Казаков приехал в Карелию вновь. На этот раз в Ухту (старое название поселка Калевала), где гостил у карельского писателя Ортьё Степанова. Результатом поездки стал очерк «Калевала», опубликованный впервые в журнале «Знамя» в 1962 году (№ 10) и вошедший в состав цикла «Северный дневник». В архиве Ортьё Степанова в Петрозаводске хранятся несколько писем и открыток, написанных Казаковым в период с 1961 по 1968 год². Переписка свидетельствует о живом и продолжавшемся в течение нескольких лет интересе Казакова к Карелии, а также содержит данные, относящиеся к творческой истории очерка «Калевала». В последней по времени монографии Ю. И. Дюжева об Ортьё Степанове об этой встрече писателей сказано, но очень концептивно и без упоминания сохранившихся писем [3: 128–131].

Всего в архиве Степанова обнаружено 6 писем и 2 открытки от Юрия Казакова. Обе открытки и 4 письма написаны от руки, 2 письма отпечатаны на машинке с авторской подписью в конце текста.

Первое по времени письмо лаконично и написано вскоре после поездки в Ухту в 1961 году. По сути, это, скорее, записка, приложенная к посылке:

«Дорогой Ортьё! Посылаю Вам книжку о Матиасе Кастрене, м. б. Вы её не читали.

Очерк о Калевале обязательно напишу. Пойдет он скорее всего в “Крестьянке” в № 11 или 12. Привет Т. Перттунен
Всего доброго. Ю. Казаков
16 IX 61 г»³.

Матиас Кастрен – шведско-финский филолог, исследователь северных языков и фольклора, основоположник сравнительной уралистики. Вероятнее всего, в открытке речь идет о только

что вышедшей в Москве в 1961 году книге В. Б. Муравьева «Вехи забытых путей (Матисас Кастрен)» (Географгиз, серия «Замечательные географы и путешественники»). Интерес к Кастрену – свидетельство внимания Казакова в эти годы к карело-финскому культурному полю в целом. Например, в писавшемся и переписывавшемся в те же годы рассказе «Адам и Ева» появляется несколько локальных языковых и культурных реалий, хотя в рассказе, в отличие от очерка «Калевала», все детали поездки 1959 года подвергнуты поэтизации, обработке, топонимы сняты или изменены. И только карело-финские реалии позволяют легко догадаться о том, что это Карелия и Петрозаводск [8]. Интересно, что рассказ «Адам и Ева» появился в печати впервые в том же 1962 году, что и очерк «Калевала», только в другом, «толстом» журнале – «Москва» (№ 8). Скорее всего, работа над двумя текстами в 1961 году шла параллельно. Более того, погружение в сердце карело-финского мира в поездке в Калевалу 1961 года могло повлиять и на текст «Адама и Евы», а именно на введение черт, связанных с финно-угорским культурным полем. Так, в рассказе выразителен образ официантки Жанны Юоналайнен, говорящей с финским акцентом и использующей местную лексику: она называет озеро «ярви» (это слово неоднократно встречается и в «Калевале»). Рыбак в другом эпизоде использует слово «салма» («салми») – финское «залив»: «Как из салмы выйдешь, налево забирай, мимо маяка. Увидишь остров, к нему и правь» (I: 273). Это особенно заметно на фоне других очерков и рассказов о Кижях 1960–1970-х годов, в которых авторы-современники Казакова легко обходятся без специфических карельских реалий или топонимов, сосредоточиваясь на более общем севернорусском контексте⁴. К сожалению, нам неизвестно что-либо о черновых вариантах «Адама и Евы», если они вообще сохранились, так что окончательно подтвердить эту гипотезу пока не представляется возможным. Но в текстах рассказа и очерка есть и другие пересечения, в том числе на уровне примечательных словесных оборотов. Например, высаживаясь на острове, главный герой рассказа художник Агеев, осматриваясь, думает: «Ну, вот и конец света» (I: 267). Слова звучат в рассказе многозначно, в том смысле, что это и край света, и конец света одновременно. Библейские аллюзии заглавия и некоторые пространственные мотивы рассказа (действие на острове собрано во многом вокруг церкви, прототипом которой послужила церковь Преображения Господня) дополнительно акцентируют апокалиптическое значение оборота «конец света», а контекст путешествия – мотив «края света» или «края земли». В «Калевале», в эпизоде, где Казаков вспоминает о своей первой поездке на Север в середине 1950-х, есть похожее место, только в этом случае не свернутое,

а представленное так, что обе формулы стоят рядом: «А противоположный берег губы был уж и совсем дик и пуст, а за ним лежали какие-то деревни, очень редкие, небольшие, и между этими деревнями простирались десятки километров пустынного берега, по которому мне надо было пройти... Что же это – *конец света, край земли*, всеми забытый? (курсив наш. – Н. Ш.)» (II: 136). Все это свидетельствует о связях, существовавших между двумя текстами о Карелии в сознании самого автора, в тот момент, когда над ними шла работа. Связь, таким образом, оказывается более разносторонней, чем просто тематическая, и реализуется также на формальном уровне.

Действительно, заметная особенность очерка «Калевала» среди других северных текстов Казакова – это погружение в финноязычный мир. Местный языковой колорит много раз подчеркнут в повествовании: «...дорога шла то в гору, то под гору, час проходил за часом, народ в автобусе менялся, говорили кругом уже по-фински, пахли все лесом, годами не снимаемой закожженной одеждой, мокрыми платками и фуражками, на полу поскрипывали уже пестери и корзины с морошкой, черникой...» (II: 134); «Не понимаю я по-фински, но слушаю жадно – такой это прекрасный, звучный язык, сдвоенные гласные и согласные...» (II: 136); «Он что-то говорит по-фински Татьяне Перттунен. Потом опять мне...» (II: 138); «И у Михеевой не говорят по-русски, и мне досадно, так хочется поговорить, расспросить, остается одно, пока они радуются, перебивают друг друга – смотреть» (II: 140) и т. д.

Упомянутая в записке «Т. Перттунен» – Татьяна Алексеевна Перттунен (1883–1963), знаменитая сказительница, исполнительница рун и карельских народных песен, жена правнука легендарного Архиппы Перттунена, от которого Леннрот записывал руны «Калевалы». В очерке Казаков неточно называет ее правнучкой рунопевца. Вместе с ней и с Ортьё Степановым Казаков едет на Ала-ярви в гости к другой сказительнице Марии Михеевой (1884–1969). Татьяне Перттунен посвящено больше всего внимания в очерке: «Восемьдесят лет этой Перттунен, даже, наверно, больше, она сказительница, и хоть лицо у нее, как у всех старух – и морщины там, рот запал, глаза повыцвели, – а все-таки присутствует в этом лице еще что-то: гордость ли, сознание ли собственного достоинства, или важности своей жизни, или известности, почета, каким она тут верно окружена <...> Она совсем не говорит по-русски, на меня не смотрит и ко мне не обращается, да и с Ортьё говорит мало, больше раздумывает о чем-то. Живет она одна – сама косит, гребет сено, ловит рыбу, ездит на острова за ягодой и грибами – словом, делает всю необходимую тяжелую мужицкую работу, без которой тут не проживешь. Но ведь восемьдесят лет!» (II: 136–137).

Кульминационная часть «Калевалы» – эпизод, в котором старухи-сказительницы по приезде в священную рощу на мысу на отдыхе у костра поют руны. Пению Перттунен и здесь уделено больше всего внимания: «Старуха Перттунен наклоняет голову, мы с Ортьё ложимся, растягиваемся на мху, и Ортьё мигает мне: сейчас начнет! <...>

Татьяна Перттунен говорит что-то вполголоса, и Ортьё тотчас переводит мне:

– Про то, как Вяйнემейнен играл на кантеле из рыбьих костей...

И она запеваёт. Раздаются первые звуки ее невыразительного голоса, выговариваются торопливо первые слова, неустойчиво выпевается еще неуловимая на слух мелодия. Да! Она и не поет еще, а говорит речитативом, скоро несется, как ручей в лесу с его разнообразным, высоким и низким бульканьем.

Но лицо ее уже преобразилось – глаза сведены в одну точку, пальцы двигаются, скрючиваются и распускаются, голова вздрагивает и откидывается, глаза поднимаются на сосны, на даль озера, но тотчас опускаются. Иногда она повысит голос, нахмурит брови, вскрикнет грозное и поднимает руку, угрожая, но тут же и сникнет, забормочет, раскачиваясь, что-то жалобное.

Каикиппа ноуси кууломаа
метсяста метсян еелаваа...

Вот что приблизительно слышу я на свой русский слух. Ортьё кое-как успевает шепотом переводить мне обрывки руны, и я чувствую, как мороз медленными волнами проходит у меня по спине, и дыхание стесняется» (II: 141–142).

О сказительницах Казаков не раз вспоминает в последующих письмах. Одно из них не датировано, конверт не сохранился, но по содержанию можно предположить, что написано оно в 1962 году. В письме идет речь о подготовке очерка к печати:

«Дорогой Ортьё!

Жизнь наша идет по пословице: “Не так живи, как хочется...” И так вышло, что в прошлом году не сумел я написать про Т. А. Перттунен и про Вас и про Михееву. А теперь вот только засел за очерк, который выходит у меня похож на рассказ. Я его кончаю, через несколько дней будет готов. Отдам я его скорее всего в “Крестьянку” – там тираж побольше – или в “Советскую женщину”. Но там он когда-то выйдет, когда дойдет до Ухты и м. б. несколько экземпляров всего... Так что, когда кончу, я Вам пришлю один экземпляр – распорядитесь им по своему усмотрению. М. б. напечатаете в районной или переведете на финский – дело Ваше.

И еще просьба: если есть хорошие снимки у Вас или Т. Перттунен – озера или самой Перттунен или вообще ваших мест – немедленно шлите их мне по адресу: г. Таруса, Калужской обл.

Почта, до востребования Казакову Ю. П. Я их пошлю в тот журнал, где будет помещен очерк.

Передайте мой привет Т. А. Напишите, как вообще поживаете. Жду снимков!

С приветом

Ю. Казаков».

В письме от 7 ноября 1962 года Казаков уже сообщал о выходе очерка в печати: «Насчет моего очерка м. б. вам будет интересно узнать, что через Агентство Печати Новости он был распространен за границей и печатался где-то в Скандинавии, в Канаде и т. д. – где есть финское родонаселение. Я было хотел этот очерк отдать в “Огонек” или “Крестьянку”, но тут вы виноваты. Я писал вам, просил фотографии, но так и не дождался.

Рад буду, если очерк передадут по радио, как вы писали – и не столько за себя рад, сколько за Т. Перттунен и М. Михееву и за вас, поскольку о вас всех идет там речь.

Может быть я что-нибудь напутал в очерке /в названиях или фактах/ – так уж вы не сердитесь на меня, это случается почти постоянно, когда в месте и среди людей, о которых пишешь, пробудешь всего несколько дней».

И снова 9 марта 1963 года: «Передайте Перттунен, что очерк о ней выходил в Финляндии, Норвегии, сейчас переводится в Швеции и еще на английский язык (журнал “Сов. литература” на английском языке). Я очень рад такому обороту дела, не зря ездил к вам в Ухту».

По письмам 1962–1963 годов видно, что не все в литературном сотрудничестве двух писателей складывалось идеально. Из письма 1962 года можно понять, что Ортьё Степанов рассчитывал получить помощь с переводом (вероятно, на русский язык) и публикацией одного из своих текстов. Скорее всего, речь шла о вышедшей в 1961 году на финском языке повести «Suurilla selkosilla». И Казаков в ответных письмах оправдывается в том, что эту помощь оказать не может. В письме от 7 ноября 1962 года писатель еще выражает готовность участвовать: «Теперь о вашей повести (или рассказе?) – я еще не смотрел, т. к. недавно приехал и вряд ли у меня найдется время сделать это раньше декабря – я делегат предстоящего совещания молодых и потом не был дома три месяца, накопилось очень много дел, переписки, изданий и переизданий – так что не сердитесь и потерпите». Спустя полгода, 9 марта 1963 года, Казаков окончательно отказывается от обещания перевести произведения Ортьё Степанова, с грустью сообщая об этом: «Очень жалко, что не могу я ничем Вам помочь <...> Не сердитесь на меня, ей-богу, я не могу сейчас осилить перевод. Для этого нужно светлое состояние души и досуг, а ни того ни другого долго верно у меня не будет».

В отсутствие ответной части переписки (сохранились ли письма Ортьё Степанова, неизвестно,

среди опубликованных материалов их нет, а значительная часть архива в Абрамцево после смерти Казакова была утрачена [6: 287–288]) сложно сказать, как развивались отношения писателей в эти годы. Можно только констатировать заметное напряжение, которое по каким-то причинам разрешается к 1965 году. Об этом свидетельствует как сам текст, так и общая интонация письма от 22 сентября 1965 года, в котором Казаков возвращается к воспоминаниям о своей поездке в Ухту в 1961 году. В этом письме меняется даже форма обращения к Степанову – не «Вы», а «ты» – и Казаков использует те формулы, которые встречаются в его переписке с ближайшими друзьями (например, с упоминавшимся уже Виктором Конечким, одним из его постоянных адресатов и ближайшим другом на протяжении многих лет) – «старик» (в значении неформального, ироничного обращения), «милый». Интересно, что интимность тона появляется и по отношению к Карелии, которую Казаков в письме называет «наша Карелия».

Приводим текст письма полностью:

«Дорогой Артём Михайлович!

Листал сегодня свою старую записную книжку и попался мне твой адрес, вспомнил я лето 1961 года и свою поездку за Калевалой, и сердце моё наполнилось грустью, как всегда бывает при хороших воспоминаниях.

Может быть, тебе небезынтересно будет узнать, что “Калевала” моя обошла чуть не весь мир, переведена была на множество языков, и совсем недавно была напечатана во Франции в юбилейном тысячном номере знаменитого литературного приложения “Фигаро литерер”. Из иностранных авторов в этом номере присутствуют только два: америконец Фолкнер и я. Видишь, какая штука получилась с Калевалой-то. Поистине счастливо было для меня то лето в далёком 1961 году.

А ведь я помню всё – и как спал у тебя на диване, как пружины мне в бок проникали, какие бледные прозрачные ночи были над озером, над Куйтто-ярви и как рад был я, что встретил тебя, познакомился с тобой.

И вот теперь думаю – неужто не приеду я больше в Карелию, неужто не попаду в те благословенные места? А ведь ты хотел мне ещё показать свою родину, повезти уже в какую-то совершенную глушь!

Нет, старик, попаду! Я ещё приеду, я ещё выпью воды из прозрачных озёр твоей прекрасной родины, Ортъе!

Будь здоров, милый! Напиши мне, что новенького, как твои книги и вообще как живёт-может наша Карелия?

Адрес мой до 10 октября такой: Друскининкай, Литовской ССР, Почтамт, до востребования. 22 сент 65

Твой Ю. Казаков».

Приехать к Ортъё Степанову вновь Казакову так и не удалось. Но как минимум до конца 1960-х он следит за творчеством своего карельского проводника, не теряет решимости встретиться вновь, устраивает поездки в Карелию для своих знакомых: предположительно, в 1963 году – для Татьяны Смеляковой (жены поэта Ярослава Смелякова), в архиве Ортъё Степанова сохранилось ее письмо от 15 августа 1963 года с приветом от Казакова, в 1966 – для Федора Поленова. Об этих взаимодействиях говорится и в письме Казакова к Степанову от 10 июля 1966 года:

«Дорогой Ортъе!

В этом году я так и не смогу наверное приехать – а хотелось бы. Но вот просьба к тебе такая – прими, пожалуйста, моих друзей Федора и Люсю Поленовых, покажи им ваши красоты, свози если найдешь время к себе в деревню, возьми на рыбалку, дай возможность им послушать какую-нибудь народную сказительницу и прочее.

Очень буду рад и благодарен, если ты что-то для них сделаешь, я им много говорил о тебе и о ваших местах.

Татьяна Смелякова со слезами на глазах вспоминала тебя и твой край. И я надеюсь, что ты приобщишь к Карелии еще двух друзей.

Будь здоров, дорогой, как только выйдет “Северный дневник” отдельной книгой, так пришлю тебе.

Всего самого доброго здоровья и творческих успехов.

Ю. Казаков
10 VII 66».

Федор Поленов (1929–2000) – внук и исследователь творчества Василия Поленова (1844–1927), директор Дома-музея В. Поленова под Тарусой в 1960–1990-х годах. С Казаковым они познакомились в 1958 году, когда путешествовали по Оке. Игорь Кузьмичев, рассказывая об их дружбе, отмечает любопытные пересечения судеб [5: 163], к которым следует добавить еще одно: Василий Поленов в детстве с семьей неоднократно бывал в Олонецкой губернии, а в 1861–1963 годах учился в Олонецкой губернской мужской гимназии в Петрозаводске. Эти факты могли всплывать в разговорах с Федором Поленовым во время совместных путешествий. А в 1959 году Казаков и сам побывает в Петрозаводске. Не исключено, что не только вслед за любимыми Пришвиным и Паустовским [8: 69–70], но и в места юности Василия Поленова, с внуком которого он был так дружен.

В 1967 году у Ортъё Степанова в Петрозаводске вышла повесть на финском языке «Koetus korpikylassa (Поединок в таежной деревне)». Открыткой Казаков поздравляет Степанова с выходом повести: «Дорогой Ортъе! Прими, пожалуйста, от меня Новогодние поздравления тебе и твоей семье.

Поздравляю с выходом повести! Хотелось бы повидаться летом!
Ю. Казаков».

На обороте приписка: «У тебя самый поэтический адрес в мире!». Адрес Степанова на открытке:

Карельская АССР
п. Калевала
ул. Рун Калевалы 13».

По всей вероятности, летом встреча могла бы состояться у Степанова. Но исполнить замысел не удалось. А в декабре 1968 года Казаков зовет Степанова к себе в Москву:

«12 дек 68 г.

Дорогой Артем! Извини, что пишу тебе на Союз Писателей, потерял твой адрес.

У меня до тебя просьба – года два назад ко мне обратилась составительница сборника рассказов, статей, очерков и пр. – о Карелии. Сборник должен был выйти еще в 67 году. Я послал им “Калевалу” и с тех пор – ни слуху, ни духу. Я к сожалению, забыл фамилию составителя, но если такой сборник появился, то ты бы должен о нем знать. Ответь мне. Я купил себе дом. Будешь в Москве, заезжай в гости!

Обнимаю твой Ю. Казаков».

На обороте открытки вид и карта-схема поселка Абрамцево с его литературными достопримечательностями. Не совсем ясно, состоялась ли планировавшаяся перепечатка «Калевалы» в сборнике. В ежегоднике «Бригантина: сборник рассказов о путешествиях, поисках, открытиях» (Москва, 1967; составитель – Вл. Стеценко) был перепечатан очерк Казакова «Белые ночи» из цикла «Северный дневник». «Калевалы» в «Бригантине» нет. Сведения о перепечатке «Калевалы» в каких-либо сборниках в библиографии Казакова отсутствуют [7: 320].

Переписка Казакова и Степанова – это еще одно звено, связавшее московского писателя с Карелией на несколько лет, помимо тех поездок, которые он совершил, и впечатлений, которые переплавились в тексты рассказа «Адам и Ева» и очерка «Калевала». Она позволяет уточнить

наше представление о роли, которую карельские маршруты сыграли в формировании поэтической топографии автора и, в частности, образа Севера как «края света» или «конца света» и одновременно места ярких людей, древней культуры, встречи с подлинной реальностью. В текстах, родившихся из карельских впечатлений, Казаков, что важно, не упрощает картину, не идеализирует свои северные скитания. Его Север – не лубочный, он многократно проблематизирован. Это особенно чувствуется в «Калевале», где автор обобщает свои наблюдения, вынесенные из многих поездок: «Печален все-таки Север! Лет шесть назад попал я на Север впервые, всю ночь плыл на пароходе из Архангельска, долго не спал, стоял на пустой палубе, ждал морской качки. Но не было качки, сияла низкая багровая луна, у борта вспыхивали, мерцали зеленые искры, а широкая лунная дорога тянулась до горизонта и там растворялась в блистающем мареве <...> И все это грянуло впервые на меня, ошеломило до озноба: вот и я здесь, вот и я сам вижу то, о чем только читал когда-то. Но меня подстерегало и другое – шемящее чувство пустынности, одиночества...» (II: 135). Северная меланхолия, впрочем, не отменяет открытий, совершаемых здесь внимательным человеком. И в финале очерка писатель расставляет акценты, выражая надежду на светлое будущее северных земель, которое продолжило бы их мощное прошлое: «И когда поднимаемся, когда начинает овеять нас теплый нежный ветер, когда кругом видна, кажется, вся страна с синими озерами, с нагромождениями камней и маленькими редкими деревеньками, – я думаю: придет время, и ничего этого не будет, не станет дикости, пустынности, на берегах озер возникнут стеклянные дома – тут ведь особенно любят свет! – и побегут шелковистые розовые, и желтые, и голубые дороги, и среди лесов будут краснеть острые черепичные крыши ферм, отелей и городов – тогда забудется многое, забудется бедность, приниженность избушек, бездорожье, одно не забудется – не забудется Калевала и великий дух Вяйнемеинена, осеняющий эту прекрасную страну, и имена сказителей, несших этот дух сквозь столетия» (II: 144).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Казаков Ю. Избранные письма // Казаков Ю. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3. Вечерний звон. М.: Русский мир, 2008. С. 340, 388–389. Далее в статье ссылки на тексты Ю. Казакова приводятся по этому изданию с указанием в круглых скобках тома и страницы.

² Автор статьи благодарит директора Национального музея Республики Карелия Михаила Леонидовича Гольденберга за информацию о сохранившихся в архиве Степанова письмах Казакова; Михаила Артемовича и Ольгу Николаевну Степановых, хранителей архива, за предоставленную возможность работать с документами; Тамару Михайловну Судник-Казакову за разрешение вести материалы переписки в научный оборот.

³ Все цитируемые письма приводятся в авторской орфографии и пунктуации. В машинописных текстах Казаков пользовался буквой «е», в письмах, выполненных от руки, унифицировал написание «е» и «ё».

⁴ Ср., например, очерк «Кижы. Октябрь» Сергея Высоцкого (Молодая гвардия. 1965. № 7), рассказ «Кижы» Ирины Мазурок (Знамя. 1967. № 3), «Онежскую быль» Л. Озерова (Юность. 1972. № 7).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балакин А. По следам героев «Северного дневника» Юрия Казакова // Соловки в литературе и фольклоре (XV–XXI вв.): Сборник научных статей и докладов международной научно-практической конференции. Архангельск; Соловки, 2015. С. 238–251.

2. Г а л и м о в а Е. Ш. Художественный мир Юрия Казакова. Архангельск: Издательство Поморского государственного университета, 1992. 172 с.
3. Д ю ж е в Ю. И. Народный карельский писатель Ортьё Степанов. Петрозаводск, 2010. 271 с.
4. К о н е ц к и й В. В. Некоторым образом драма. Л.: Советский писатель, 1989. 368 с.
5. К у з ь м и ч е в И. Жизнь Юрия Казакова: документальное повествование. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга: Журнал «Звезда», 2012. 536 с.
6. Н а г и б и н Ю. Время жить. М.: Современник, 1986. 511 с.
7. Русские советские писатели-прозаики: Библиографический указатель. Т. 7. Ч. 1. М.: Книга, 1971. 502 с.
8. Ш и л о в а Н. Л. Адам и Ева на острове Кижь: Об одном сюжете Юрия Казакова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2014. Вып. 4. С. 67–73.

Shilova N. L., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

**YURI KAZAKOV AND KARELIA
(ACCORDING TO LETTERS TO ORTJO STEPANOV DURING 1961–1968)**

The article continues the study of biographical and creative communications of the famous writer Yuri Kazakov (1927–1982) with the Republic of Karelia. It reviews the unpublished letters and cards sent by Kazakov to the Karelian writer Ortjo Stepanov in the period from 1961 to 1968. Materials stored in the archive of Petrozavodsk indicate Kazakov's attention to Karelia for several years and show his personal and creative relationships with Stepanov, who became a guide to the Finno-Ugric world for the Moscow writer. The studied correspondence allows us, moreover, to trace the links between the two texts written by Kazakov on Karelian materials and released almost simultaneously in 1962 – they are the story of “Adam and Eve” and the essay “Kalevala”. These texts reflected impressions of two unstudied trips of the writer to Karelia: to the island of Kizhi in 1959 and to Ukhta (Kalevala) in 1961.

Key words: Yuri Kazakov, Ortjo Stepanov, archives, letters, Kalevala, Karelia

REFERENCES

1. B a l a k i n A. In the footsteps of heroes “Severnogo dnevnika” Yuri Kazakov [Po sledam geroev “Severnogo dnevnika” Yuriya Kazakova]. *Solovki v literature i fol'klоре (XV–XXI vv.)*. Arkhangelsk, Solovki, 2015. P. 238–251.
2. G a l i m o v a E. Sh. *Khudozhestvennyy mir Yuriya Kazakova* [Artistic world of Yuri Kazakov]. Arkhangelsk, 1992. 172 p.
3. D j u z h e v Ju. I. *Narodnyy karel'skiy pisatel' Ort'ye Stepanov* [People Karelian writer Ortjo Stepanov]. Petrozavodsk, 2010. 271 p.
4. K o n e c k i j V. V. *Nekotorym obrazom drama* [A kind of Drama]. Leningrad, 1989. 368 p.
5. K u z ' m i c h e v I. *Zhizn' Yuriya Kazakova. Dokumental'noe povestvovanie* [The Life of Yuri Kazakov. Documentary narration]. St. Petersburg, 2012. 536 p.
6. N a g i b i n Ju. *Vremya zhit'* [Time to live]. Moscow, 1986. 511 p.
7. *Russkie sovetskie pisateli-prozaiki: Biobibliograficheskiy ukazatel'* [Russian Soviet prose writers. Bibliographic Index]. Vol. 7. Part 1. Moscow, 1971. 502 p.
8. S h i l o v a N. L. Adam and Eve on the island of Kizhi: On one story of Yuri Kazakov [Adam i Eva na ostrove Kizhi: Ob odnom syuzhete Yuriya Kazakova]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika* [Bulletin of St. Petersburg State University. Ser. 9. Philology. Oriental. Journalism]. 2014. Issue 4. P. 67–73.

Поступила в редакцию 30.01.2017